

Третий брат Ма поспешил оттащить Госпожу Сунь подальше, опасаясь, что разгневанный племянник переключит внимание на них.

Ма Дачжуан угрюмо молчал, не зная, куда деть руки. Старшая госпожа Ма, всё ещё чувствуя себя незаслуженно обиженной, никак не могла взять в толк, почему сын так набросился именно на неё.

— Ну да... продали, — выдавила она, затравленно отводя глаза.

— Почему? — голос Ма Вэня прозвенел сталью. — Ведь когда я уезжал из дома, вы клялись, что пальцем его не тронете!

— Сынок, да мы-то тут при чём! — пожилая женщина всплеснула руками. — Ты просто не знаешь, что этот негод... что Чжао-гэр вытворял! Он же стыд и совесть потерял! Мало того что в реке с чужаком обжимался да целовался у всех на виду, так он ещё и...

— Довольно! Я прекрасно знаю, какой Чжао-гэр человек. Я спрашиваю только об одном: зачем вы его продали? Вы же знали, как он мне дорог!

— Да как же так... — Старшая госпожа Ма едва не задохнулась от возмущения. Сын вернулся и с порога затеял скандал из-за какого-то никчёмного гэра!

Глаза юноши покраснели, в голосе слышались слёзы:

— Я любил его с самого детства, и вы все об этом знали! Почему вы так со мной поступили? Ну и что с того, что он родил этого выродка, Гуай-цзая? Мне плевать! И если его кто-то там обнял или поцеловал — это тоже неважно!

Снаружи раздался дружный вздох. Несколько соседок, всё ещё подслушивавших у забора, в изумлении разинули рты.

«Ну и ну... Ма Вэнь-то, оказывается, настоящий ханьцзы. Какая преданность!»

Ма Дачжуан, которому до смерти надоели эти телячьи нежности, рявкнул:

— Хватит! Что ты тут распустил нюни как баба? Позоришь нас перед всей деревней! Сдался тебе этот Чжао-гэр, что в нём такого особенного? Мы с матерью горбатились, тебя растили, и ради чего? Чтобы ты теперь на родителей голос повышал из-за какого-то беспутного мальчишки?

Увидев, что лицо сына окончательно перекопилось от горя, глава семьи всё же смягчился — сердце отца было не каменным. Он подошёл и тяжело хлопнул Ма Вэня по плечу:

— Ладно тебе. Если так уж приспичило, я позже в город съезжу и куплю тебе другого гэра, ещё лучше прежнего.

Племянник Третьего брата Ма лишь горько покачал головой. Слёзы, которые он так долго сдерживал, наконец брызнули из глаз.

— Не надо мне другого... Мне нужен только Чжао-гэр.

Все присутствующие так и застыли в оцепенении. Ма Дачжуан, едва сдерживая ярость, сквозь зубы процедил:

— Ты... ты что же, в гроб нас вогнать решил?!

Ма Вэнь не ответил. Подхватив свой узел, он молча ушёл в свою комнату.

Пока в доме семьи Ма кипели страсти, на другом конце деревни разворачивались не менее захватывающие события.

Видя, что Чжао-гэр, не разбирая дороги, припустил в сторону горы, Лю Лайцзы с пьяным хохотом бросился вдогонку. В его туманном мозгу уже рисовались самые нескромные картины.

Однако не успел преследователь добежать до подножия, как Чжао-гэр, крепко прижимая к себе сына, вынырнул из густых зарослей. И был он не один — следом за ним из леса вышел крепкий Лю Дачжи.

В левой руке соседа покоилось тяжёлое коромысло, а в правой — отточенный до блеска топор для дров.

Лю Лайцзы затормозил так резко, что едва не зарылся носом в дорожную пыль. Оценив шансы, он мгновенно протрезвел и, круто развернувшись, бросился наутёк.

— Куда погнал, паскуда! — взревел Лю Дачжи. Он сунул топор оторопевшему Чжао-гэру, вскинул на плечо коромысло и припустил вслед за пьяницей.

Преследователь был свёкром Чжоу-гэра, которого этот мерзавец уже однажды пытался подстеречь на дороге. И теперь, увидев, что Лю Лайцзы нацелился на Чжао-гэра, старые обиды

вспыхнули с новой силой.

Он гнал негодяя добрых три ли, и это зрелище не осталось незамеченным. Деревенские жители порой лучше любых дознавателей могли восстановить картину событий: пара брошенных фраз вроде «кажется, я видела» или «мне почудилось» — и вот уже вся история от начала до конца была ясна каждому встречному.

Фан Цзычэнь с корзинкой в руках только дошёл до околицы, как его перехватила одна из деревенских тётушек, гнавшая уток к пруду.

— Эй, паренёк Фан! Живо беги домой!

— Да я и так... — начал было юноша, опешив от такого напора.

— Твоего Чжао-гэра сегодня Лю Лайцзы... того... — Она осеклась, подбирая слово поприличнее, чтобы описать случившееся.

Но эта заминка напугала Фан Цзычэня до полусмерти. Он понятия не имел, кто такой этот Лю Лайцзы, но само прозвище не предвещало ничего хорошего.

Бросив всё, он со всех ног припустил к дому.

Во дворе Чжао-гэр преспокойно поливал грядки. Он был человеком работающим, и под его присмотром овощи росли не по дням, а по часам — нежные, хрустящие, так и просились в котел. Утром супруг Фана сорвал пару побегов и добавил их в лапшу; Фан Цзычэню, кажется, очень понравилось.

«Рядом ещё кусок пустует, — размышлял гэр, вода ковшом. — Надо бы завтра его вскопать и тоже что-нибудь посадить»

Его раздумья прервал глава семьи, влетевший во двор на пределе сил. Фан Цзычэнь был вынослив, мог таскать тяжеленные тюки и не запыхаться, но сейчас на его лбу выступила испарина, а лицо покраснелось от быстрого бега.

Чжао-гэр в тревоге отставил ковш:

— Что случилось?

Супруг пристально осмотрел его с ног до головы. Голос его слегка подрагивал от пережитого волнения:

— Ты в порядке?

— А? — недоуменно моргнул беглец.

— Там, на дороге, какая-то женщина сказала, что Лю Лайцзы тебя...

— А, ты об этом, — Чжао-гэр облегчённо вздохнул и принялся объяснять. — Да, столкнулись на тропинке, было дело.

Когда он вкратце пересказал историю о том, как бросился спасаться в сторону горы, у Фан Цзычэня на лбу запульсировала вена. Он не выдержал и перебил:

— У тебя что, совсем голова только для того, чтобы в неё есть? Скажи на милость, зачем ты побежал в горы? Побоялся, что этому проходимцу будет неудобно тащить тебя в кусты, и решил облегчить ему задачу, сам туда запрыгнув?

Чжао-гэр вжал голову в плечи.

— Да нет же... Утром Чжоу-гэр обмолвился, что дядя Лю пошёл косить траву в горы. Там на склоне заросли знатные, вот я и подумал, что он должен быть где-то поблизости.

— А если бы у него планы поменялись? — юноша в сердцах легонько щёлкнул его по лбу. — Ну что за недотёпа! В таких случаях нужно бежать туда, где ровно и где люди! Этот пропойца, может, и побоялся бы на глазах у всех лезть, а ты сам, как глупый кролик, в капкан прыгнул. Любой бы на его месте сразу дурные мысли в голову впустил!

Чжао-гэр и сам понимал, что поступил опрометчиво. Тётушка Лю уже успела прочитать ему нотацию по этому поводу:

«От Лю Лайцзы бежать надо, всё верно, но зачем же в горы? На крутых склонах места глухие! Мало ли что тебе Чжоу-гэр сказал, разве можно быть уверенным, что дядя Лю всё ещё там? А если бы он уже домой ушёл? Ты хоть немного соображай, нельзя же быть таким доверчивым!»

Опустив голову, Чжао-гэр виновато вертел в руках подол рубахи.

— Прости... Заставил тебя волноваться. Я впредь буду осторожнее.

Фан Цзычэнь тяжело вздохнул. Видя, что его гэр цел и невредим, он почувствовал, как ледяной ком в груди наконец начал таять. Теперь уже не было смысла ругаться — главное, что всё обошлось.

Желая сменить тему, супруг перевёл взгляд на корзинку в руках мужа.

— Ты что-то купил?

— А, это Старина У прислал. Сказал, мандарины отличные.

Фан Цзычэнь уже рассказывал о том случае в городе, так что Чжао-гэр знал, кто такой этот У.

Юноша достал пару плодов, повесил корзинку на забор и один протянул супругу. Сам же принялся очищать свой и поманил к себе Гуай-цзая, который с самого момента его возвращения не сводил с «отца» любопытных глаз.

— Сын, иди-ка сюда.

Гуай-цзай притопал на своих коротких ножках и нежно, по-детски пролепетал:

— Отец!

От этого тонкого голоска все тревоги разом улетучились.

— Умница, — улыбнулся Фан Цзычэнь.

Чжао-гэр, глядя, как муж, только что метавший громы и молнии, внезапно расплылся в лучезарной улыбке, почувствовал неладное. Он очистил свою дольку и уже собирался отправить её в рот, наблюдая за этой идиллической картиной...

В этот момент Гуай-цзай, успевший получить дольку от Фан Цзычэня, издал короткое «А!» и весь сморщился. Брови его поползли к переносице, глаза превратились в щёлочки — малыш стал похож на крохотного старичка.

Фан Цзычэнь так и покатился со смеху.

— Ха-ха-ха!

Чжао-гэр молча завернул свою дольку обратно в кожуру и положил мандарин в корзинку. Кислятина была такая, что зубы сводило. Глава семьи попробовал один ещё по дороге, и у него до сих пор челюсти ломило.

Гуай-цзаю было жаль выбрасывать угощение, поэтому он, мужественно сглотив набежавшую слюну, всё же проглотил мандарин. После чего, надувшись, несильно хлопнул Фан Цзычэня кулачком в грудь — мягко, словно котёнок лапкой.

— Отец плохой...

— Вредный отец — любимый отец, — юноша со смехом ущипнул его за носик, а затем извлек из кармана еще один сверток.

Это были фрукты в сахаре и цукаты. Стоило ему развернуть промасленную бумагу, как по двору разлился густой, приторно-сладкий аромат. Неизвестно, от кислоты мандарина или от предвкушения сладостей, но у малыша тут же потекла слюна.

Фан Цзычэнь выудил одну ягоду — размером с небольшую сливу, высушенную и пропитанную сиропом так, что она стала липкой и блестящей. Решив еще немного подразнить сына, он принялся раскачивать лакомство перед самым его носом.

— Сын, ты когда-нибудь пробовал цукаты?

Гуай-цзай, не отрывая взгляда от заветного кусочка, честно признался:

— Нет...

— О, они невероятно вкусные. Сладкие-пресладкие.

Увидев, что малыш уже едва ли не пританцовывает от нетерпения, Фан Цзычэнь с напускной серьезностью вздохнул:

— Вот только беда... Я ведь «плохой отец». А плохие отцы не раздают сладости просто так. Эх, видать, придется выбросить такую вкуснотищу.

Чжао-гэр, стоявший рядом, едва не закатил глаза от этого представления. Но Гуай-цзай подвоха не почувствовал. Он встал на цыпочки, обхватил Фан Цзычэня за шею и звонко чмокнул его в щеку.

— Не надо выбрасывать! Отец хороший, совсем не плохой!

Он затараторил так быстро, словно боялся, что если опоздает хоть на секунду, отец и впрямь отправит лакомство в помойку.

Фан Цзычэнь, едва сдерживая смех, наконец отправил цукат в рот ребенку.

— Ну как, сладко? — спросил он.

Гуай-цзай, чьи щеки мгновенно раздулись, не в силах вымолвить ни слова, лишь восторженно

закивал:

— Угу!

<http://bllate.org/book/15357/1421374>